

А. П. К А Ж Д А Н

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРУДАХ Г. А. ОСТРОГОРСКОГО

Георгий Александрович Острогорский (1902—1976) родился в Петербурге, где завершил курс классической гимназии. Он изучал философию, социологию и политическую экономию в Гейдельбергском университете, а затем два года учился у Ш. Дили в Париже. В 1928—1933 гг. он был приват-доцентом университета во Вроцлаве и преподавал там византийскую историю. В 1933 г. он был вынужден покинуть Германию и переехал в Белград. До 1973 г. Г. А. Острогорский работал профессором философского факультета Белградского университета, читая курс истории Византии. Он основал Византиноведческий институт Сербской Академии наук и искусств и до своей кончины являлся его директором и редактором всех его изданий. Акад. Г. А. Острогорский пользовался мировым признанием: он был участником всех последних международных византиноведческих конгрессов и некоторое время — президентом Международной ассоциации византинистов. Ряд иностранных университетов присвоил ему звание почетного доктора.

С самого начала своей научной деятельности Г. А. Острогорский проявлял интерес к двум сферам византийской жизни, казавшимся в ту пору противоположными и даже противостоящими друг другу. Одна из этих сфер — аграрная история Византийской империи, другая — история византийской идеологии. Изучение аграрной истории он начал с так называемого Трактата Эшбернера, теперь обычно именуемого Податным уставом. Этот памятник был издан впервые У. Эшбернером в 1915 г., во время первой мировой войны, и далеко не сразу привлек внимание исследователей: наряду с Н. А. Константину и Ф. Дэльгером Г. А. Острогорский был первым ученым, всесторонне обследовавшим Податный устав¹.

Казалось бы, и в самом деле от проблематики Податного устава бесконечно далек вопрос о византийском иконоборчестве, тем более что Г. А. Острогорский основное внимание уделил философско-догматической стороне споров вокруг икон². Однако очень скоро обнаружилось, что молодой исследователь плотно связал обе проблемы, предприняв попытку пересмотреть оценку всей деятельности императоров-иконоборцев, включая их аграрную и административную политику³. Разумеется, этот пере-

¹ Острогорский Г. А. Византийский податный устав. — In: Recueil Kondakov. Prague, 1926, p. 109—124; *idem*. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. — VSWG, 20, 1927, S. 1—108. Переиздано отдельной книгой: Amsterdam, 1969. Ср. его рецензию на кн.: Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. — DLZ, 1927, Sp. 2019—2024.

² Острогорский Г. А. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. — SK, 1, 1927, S. 36—48; *он же*. Гносеологические основы византийского спора о св. иконах. — SK, 2, 1928, S. 47—51; *idem*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. Перепечатано: Amsterdam, 1964; *idem*. Les débuts de la Querelle des Images. — «Mélanges Ch. Diehl», vol. 1. Paris, 1930, p. 235—255.

³ Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier. — BZ, 30, 1929—1930, S. 394—400.

смотр роли иконоборческого периода византийской истории сопровождался тщательным изучением основного источника для VIII столетия — «Хронографии» Феофана ⁴.

Как проблемы экономической истории ⁵, так и судьбы иконоборческого движения ⁶ оставались в поле зрения Г. А. Острогорского и на протяжении последующих лет, однако постепенно в его творчестве начинает вырисовываться новая большая задача, которая естественно вырастала как из исследования иконоборческих споров, так и из изучения деятельности фиска, отраженной в Податном уставе. Эта задача — осмысление роли и функций византийского государства. Г. А. Острогорский посвятил ей ряд частных исследований ⁷, но, к сожалению, он не оставил нам общего труда, посвященного этой теме.

Уже в 1929 г. Г. А. Острогорский предпринял попытку дать общую характеристику экономического и социального развития Византийской империи ⁸. Высказанные тогда мысли были развиты им в «Истории Византийского государства», вышедшей первым изданием в 1940 г. ⁹ и переработанной коренным образом к 1952 г. ¹⁰ Между первым и вторым изданием «Истории», между 1940 и 1952 г., исследователь выпустил ряд специальных работ, продолжавших линию по изучению аграрной проблематики, однако на новом, теперь уже по преимуществу актовом материале: новые работы охватывали время от X столетия ¹¹ до последних веков существования империи ¹². Самое пристальное внимание Г. А. Острогорский уделит в то время институту прониции ¹³, — его монография о прониции стала столь же классическим трудом, как и его образцовая «История Византийского государства».

К этому же кругу относится и его статья о другом византийском институте — экскусии-иммунитете ¹⁴.

⁴ *Ostrogorsky G. Die Chronologie des Theophanes im VII. und VIII. Jahrhundert.* — BNJb, 7, 1930, S. 1—56.

⁵ *Ostrogorsky G. Löhne und Preise in Byzanz.* — BZ, 32, 1932, S. 293—333.

⁶ *Ostrogorsky G. Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung.* — SK, 6, 1933, S. 73—87.

⁷ *Ostrogorsky G. Das Mitkaisertum im mittelalterlichen Byzanz.* — In: *E. Kornemann. Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum.* Leipzig, Berlin, 1930, S. 166—178; *Острогорский Г. А. Отношение церкви и государства в Византии.* — SK, 4, 1931, S. 119—134; *Ostrogorsky G. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches.* Byz., 7, 1932, S. 185—233; *Острогорский Г. Автократор и самодержац.* — Глас САН, 164, 1935, с. 95—187 и ряд других.

⁸ *Ostrogorsky G. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches.* — VSWG, 22, 1929, S. 129—143. Ср. также *Ostrogorsky G. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages.* — «Cambridge Economic History», vol. I. Cambridge, 1941/1942, p. 194—223, 579—583. Второе издание: Cambridge, 1966, p. 205—234, 774—779.

⁹ *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates.* München, 1940.

¹⁰ *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates.* München, 1952; 3. Aufl. München, 1953. Переведено на многие языки.

¹¹ *Ostrogorsky G. The Peasant's Pre-emption Right.* — JRS, 37, 1947, p. 117—126. Несколько позднее вышла его статья «О византийском дрявном сельцнм и воїнцнм — две повеље из добаована Цмиска. — Глас САН, 214, 1954, с. 23—46. Ср. *Ostrogorskij G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine.* Bruxelles, 1956.

¹² Основная работа — «Византийские писцовые книги» (BS, 9, 1948, p. 203—206). Переведено на сербский язык: «Историјски правни зборник», 2, 1949, стр. 3—68. См. также *Ostrogorskij G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine.* Bruxelles, 1954. Ср. еще «Радоливо, село светогорског манастира Ивирона» (ЗРВИ, 7, 1961, с. 67—84) и более позднюю работу: *Ostrogorsky G. Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts.* — ЗРВИ, 14/15, 1973, с. 81—101.

¹³ *Г. Острогорски. Пронија.* Београд, 1951. Переведено на французский язык (см. прим. 12). См. его возражения оппонентам: *Ostrogorsky G. Die Pronoia unter den Komnenen.* — ЗРВИ, 12, 1970, с. 41—54.

¹⁴ *Острогорский Г. А. К истории иммунитета в Византии.* — ВВ, XIII, 1958, с. 55—106. Французский перевод — в Byz., 28, 1958, p. 165—254.

И опять-таки продолжая старые свои темы — от аграрных отношений VII—XI вв.¹⁵ до государственного устройства¹⁶, — Г. А. Острогорский, с одной стороны, видоизменял их, а с другой — поднимал новые проблемы. Так, в изучении византийской государственности он сосредоточился с течением времени на двух основных вопросах: о фемном устройстве¹⁷ и о месте Византии в иерархической системе окружавших ее государств¹⁸. Он был одним из первых ученых, затронувших вопрос о судьбах византийского города в раннее средневековье¹⁹ и другой — новый для византиноведения — вопрос о характере и развитии господствующего класса²⁰. Интерес к последней проблеме был подготовлен его более ранними просопографическими исследованиями по истории византийской аристократии²¹.

Наконец, с течением времени в его творчестве все большее место стала занимать тема взаимоотношений Византии со славянским (прежде всего сербским) миром²², — тема, которая опять-таки была подготовлена некоторыми его более ранними работами, затрагивавшими, правда, преимущественно вопрос о византийских традициях в средневековой Руси.²³

Таков разнообразный круг научных интересов Г. А. Острогорского: одни из них он пронес через всю свою научную жизнь (это относится в первую очередь к аграрной проблематике), иные сменяли друг друга. Но, пожалуй, на всех этих работах — на общих и на частных — отразилась в той или иной степени его концепция византийской истории. В чем же она состояла?

Разумеется, на протяжении десятилетий научного развития концепция Г. А. Острогорского претерпевала известные изменения и уточнения. Изменились, к примеру, его представления о характере одного из основных учреждений византийской деревни — общины: если на раннем этапе он рассматривал византийскую общину как специфически фискальную или, как он говорит в другом месте, финансово-административную единицу²⁴, то позднее он видел в общине «экономическое, административное и юридическое единство»²⁵. И все же, видоизменяясь в отдельных своих элементах, концепция Г. А. Острогорского сохранялась в своем существе и отличалась, надо заметить, последовательностью и четкостью.

Концепции Г. А. Острогорского присуще представление об эволюционизме, о непрерывном развитии Византийской империи и ее основных

¹⁵ *Острогорски Г.* Византијска сеоска општина. — Глас САН, 250. Од. друштв. наука, књ. 10, 1961, с. 141—160. Французский перевод в *Byz.*, 32, 1962, p. 139—166; *Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973, S. 44—71.

¹⁶ *Ostrogorsky G.* Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im spätbyzantinischen Krönungszeremoniell. — «Historia», 4, Н. 2/3, 1955, S. 246—256.

¹⁷ *Острогорски Г.* Постапак тема Хелада и Пелопонез. — ЗРВИ, 1, 1952, с. 64—77; *Ostrogorski G.* Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure. — *Byz.*, 23, 1953, p. 31—66.

¹⁸ *Ostrogorsky G.* The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order. — «The Slavonic and East European Review», 35, 1956, p. 1—14.

¹⁹ *Ostrogorsky G.* Byzantine cities in the Early Middle Ages. — *DOP*, 13, 1959, p. 47—66. — *Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte, S. 99—118.

²⁰ *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium. — *DOP*, 25, 1971, p. 1—32.

²¹ См. прежде всего *Острогорский Г. А.* Возвышение рода Ангелов. — «Сб. Русск. археол. общества в Югославии». Белград, 1936, с. 111—129. Переведено на немецкий язык в кн.: *Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973, S. 166—182.

²² Основная работа: *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965. Ср. также *Острогорски Г.* Комитиса и светогорски манастири. — ЗРВИ, 13, 1971, с. 221—256 и ряд других.

²³ *Ostrogorsky G.* Les décisions du Stoglav au sujet de la peinture d'images et les principes de l'iconographie. — «Recueil Uspensky», vol. 1, 1930, p. 393—411; *idem.* Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič. — «Jahrb. für Kultur und Geschichte des Slaven», 9, 1933, S. 86—138.

²⁴ *Ostrogorsky G.* Die ländliche Steuergemeinde. . . , S. 24, 45.

²⁵ *Ostrogorski G.* Quelques problèmes. . . , p. 45; *idem.* Zur byzantinischen Geschichte. . . , S. 57 f.

институтов. В «Истории Византийского государства» он с самого начала подчеркивает динамизм византийского общества²⁶ и последовательно показывает этот динамизм до самого конца книги. Признание Г. А. Острогорским «византийского динамизма», развития византийских учреждений во времени отличает его концепцию от господствующего в современной западноевропейской и американской византистике представления об империи как традиционном и практически не менявшемся на протяжении тысячелетия организме, все содержание истории которого сводилось лишь к сохранению античного наследия, что проявляло себя в области культуры как серия непрерывно следующих друг за другом «ренессансов» — от времен императора Констанция (337—361) до эпохи Палеологов.

Ранний, или, как его теперь называют, протовизантийский, период истории империи лежал, по сути дела, за пределами собственных интересов Г. А. Острогорского: это отчетливо проявляется уже в распределении материала между разделами его «Истории Византийского государства». Первый раздел, охватывающий время от 324 до 610 г., занимает чуть более 50 страниц, тогда как последний раздел, озаглавленный «Упадок и падение Византийской империи» и посвященный периоду между 1282 и 1453 гг., почти достигает 100 страниц. Он, таким образом, втрое более подробен (при пересчете на единицу времени) вопреки тому, что территориальные рамки и политический вес Византии XIV—XV вв. были несравнимо меньшими, нежели в протовизантийский период.

Ранний период византийской истории, по мысли Г. А. Острогорского, — лишь заключительный этап существования позднеантичного государства. Восточная Римская империя пережила тот кризис IV—V вв., который привел к гибели Западную²⁷, и Юстиниан I (527—565) был еще римским императором на константинопольском престоле²⁸. Коренной переворот Г. А. Острогорский датирует лишь первой половиной VII в. и связывает с царствованием императора Ираклия (610—644). Уже в самом начале своего творчества Г. А. Острогорский выступил против традиционных представлений о реформаторской деятельности императоров-иконоборцев VIII в. (см. выше, прим. 3). Чрезвычайно высоко оценивая деятельность В. Г. Васильевского, Г. А. Острогорский тем не менее писал, что его теории относительно реформ Льва III (717—741), казавшиеся в свое время неоспоримыми, оказались в конечном счете несостоятельными²⁹. Теории В. Г. Васильевского о реформах иконоборцев он противопоставил новую концепцию, согласно которой преобразование Византийской империи было осуществлено Ираклием и его ближайшими преемниками. «Помоему, нет никакого сомнения, — писал Г. А. Острогорский, — что значительное укрепление свободного крестьянства нужно связывать с реформами Ираклия»³⁰. С этим перемещением реформаторской роли со Льва III на Ираклия тесно был связан важный источниковедческий вопрос: по мнению В. Г. Васильевского и его последователей, «Земледельческий закон», памятник отчетливо фиксирующий существование свободного византийского крестьянства, живущего в условиях общинных порядков, был издан Львом III примерно в одно время с «Эклогой», — напротив, Г. А. Острогорский датировал «Земледельческий закон» временем Юстиниана II (685—695, 705—711), последнего представителя династии Ираклидов.

Два обстоятельства, полагает Г. А. Острогорский, обусловили переворот, осуществленный Ираклием. Первое из них — административные

²⁶ *Ostrogorsky G. Geschichte...* (3. Aufl.), S. 23.

²⁷ *Ostrogorsky G. Geschichte...*, S. 58.

²⁸ *Ibid.*, S. 65. Ср. также: *idem. Staat und Gesellschaft der frühbyzantinischen Zeit.* — In: *Historia mundi*, Bd. 4, S. 556—569.

²⁹ *Ostrogorsky G. B. G. Васильевский как византолог и творец новейшей русской византологии.* — *СК*, 11, 1940, S. 232.

³⁰ *Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit...*, S. 396.

реформы Ираклия, среди которых наиболее важной было создание фемной системы. Образование фем, т. е. военно-административных округов, где в руках наместника-стратига сосредоточивалась военная, судебная и фискальная власть, привело к разделу большого количества прежних императорских доменов; земли перешли в руки крестьян, освобожденных от зависимости, характерной для позднеримского времени (разные формы колоната), и ставших воинами-стратиготами; одновременно увеличилось число свободных крестьян, обязанных уплатой податей³¹. Вопрос о времени сложения первых фем был, однако, далек от ясности: во всяком случае, Г. А. Острогорскому пришлось отстаивать свою датировку в полемике с А. Пертужи³², относившим создание фемной системы к более позднему времени — ко второй половине VII в. Именно поэтому, кстати сказать, Г. А. Острогорскому было важно подчеркнуть, что элементы, подготавливавшие фемную организацию, зародились еще в конце VI столетия — в форме так называемых экзархатов³³. Одновременно с созданием фемной системы Ираклий, по мнению Г. А. Острогорского, осуществил глубокие преобразования в центральном аппарате, ознаменовавшие разрыв с принципами протовизантийской административной системы и оказавшие серьезное воздействие на византийское государство³⁴. Сюда он относит в первую очередь уничтожение префектуры претория и создание новой системы ведомств — логофисиев³⁵.

Другое обстоятельство — этнические перемены в составе византийского населения. В ранних работах Г. А. Острогорского этот феномен оставался как бы на заднем плане, являясь лишь одним из компонентов фемной реформы Ираклия: различные иноплеменники, в том числе славяне, расселялись, по его мнению, на прежних императорских землях и вливались в ряды свободных крестьян — воинов и налогоплательщиков. С течением времени, однако, этнические преобразования выдвинулись в концепции Г. А. Острогорского на первое место: главу об Ираклии в «Истории Византийского государства» он начинает с «грандиозных этнических перемен на всем Балканском полуострове»³⁶, за которыми следовало и из которых как бы вытекало образование фемной системы. Тем самым спонтанные исторические процессы были выдвинуты на передний план, а административные преобразования выдающегося государственного деятеля оказались вторичным, демографически обусловленным фактором. Этнические перемены на Балканах были, как подчеркивает Г. А. Острогорский, вызваны прежде всего расселением славян, начало которого он относит к 80-м годам VI в. Массовым же оно становится с начала VII столетия, после неудачи дунайской экспедиции императора Маврикия (582—602)³⁷.

В тесной связи со вторжением славян и других народов и созданием фем находятся, по мнению Г. А. Острогорского, те социальные сдвиги, которые Византийская империя переживала в VII в.: крупное землевладение значительно было потеснено, к тому же оно понесло серьезный ущерб от вражеских вторжений. Исключение составляло лишь церковное землевладение, которое продолжало расти и в это время. Напротив, позиции крестьянства упрочились. Новые отношения, которые установились

³¹ *Ostrogorsky G. Die wirtschaftlichen und sozialen Grundlagen. . .*, S. 130—133.

³² *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*, S. 72—79.

³³ *Ostrogorskij G. D'Exarchat de Ravenne et l'origine des thèmes byzantins. — «Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina»*. Ravenna, 1960, fasc. 1, p. 99—110.

³⁴ *Ostrogorsky G. Geschichte. . .*, S. 82 f.

³⁵ В отличие от Н. А. Константинеску Г. А. Острогорский придавал фискальной реформе вторичное значение, полагая, что она способствовала освобождению крестьян, но не была его основной причиной; корень всех перемен он видел именно в фемной реформе. См. *Ostrogorsky G. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter. — Byz., 6, 1931, p. 230, 240.*

³⁶ *Ostrogorsky G. Geschichte. . .*, S. 78.

³⁷ *Ibid.*, S. 69, 77.

в византийской деревне в эпоху раннего средневековья, отражены в «Земледельческом законе»³⁸, который рисует земледельцев того времени собственниками пахотных земель, виноградников, садов и членами сельской общины. Отвергая «славянофильский романтизм» В. Г. Васильевского, видевшего в общине «Земледельческого закона» славянское учреждение, подобное позднему русскому миру, Г. А. Острогорский тем не менее подчеркивает огромное значение славянской колонизации VII—VIII вв. в преобразовании византийской деревни, когда «колоны, зависимые от крупных собственников поздней Римской империи, уступили место мощному слою независимых землевладельцев, по большей части славянского происхождения»³⁹.

Перестройка, начавшаяся при Ираклии и продолжавшаяся на протяжении всего VII в., а также в следующем столетии, затронула преимущественно аграрные отношения, но отнюдь не городскую жизнь. Г. А. Острогорский допускает, основываясь прежде всего на епископальных списках, что на территории Балканского полуострова в VII в. только немногочисленные приморские города сумели выдержать славянский натиск. Напротив, в Малой Азии подавляющее большинство старых городских центров засвидетельствовано в епископальных списках 680 и 692 г. и, следовательно, продолжало существовать⁴⁰. Городская жизнь явилась основным элементом континуитета в византийском развитии: именно она обеспечивала сохранение традиционных государственных форм и античной культуры⁴¹.

Несмотря на сохранение основ городской жизни (во всяком случае, в Малой Азии) социальная структура империи приобрела в эту пору новые черты, а именно «относительную гомогенность»⁴². Формулируя этот тезис, Г. А. Острогорский сразу же подчеркивает, что византийская общественная гомогенность раннего средневековья носила временный, преходящий характер. Уже общество «Земледельческого закона» знакомо с экономическим неравенством⁴³, а в письменных источниках VIII—IX вв. время от времени встречаются упоминания об обладателях крупных земельных владений⁴⁴. Однако лишь позднее, в X столетии, совершается новый «аграрный переворот».

Расцвет византийского государства Г. А. Острогорский относит ко времени правления Михаила III (842—867) и последовавшей за ним Македонской династии. Это время значительных политических успехов: Византия переходит к наступательной политике на Востоке и на Западе, подчиняя своей власти обширные территории в Сирии и на севере Балканского полуострова. Вместе с тем это время, когда завершается формирование классических черт византийского государства, начало которому было положено реформами Ираклия. Именно на рубеже IX и X столетий феменная система приобретает окончательный облик⁴⁵. Одновременно с этим законодательные мероприятия Льва VI (886—912) знаменуют собой завершение процесса, приведшего к сосредоточению всей государственной власти в руках василевса⁴⁶. Но едва приобретшее классический облик, византийское государство оказывается перед лицом новой опасности, идущей изнутри.

X столетие было временем ожесточенного наступления крупной земельной собственности на византийское крестьянство. Причины этой

³⁸ Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte, S. 48.

³⁹ Ibid., S. 52.

⁴⁰ Ibid., S. 107—110.

⁴¹ Ostrogorsky G. Geschichte. . . , S. 113.

⁴² Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy. . . , p. 3.

⁴³ Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte, S. 49.

⁴⁴ Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy. . . , p. 3 f.

⁴⁵ Ostrogorsky G. Geschichte. . . , S. 205. Ср. Острогорски Г. Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича. — ЗРВИ, 2, 1953, с. 39—60.

⁴⁶ Ostrogorsky G. Geschichte. . . , S. 204.

ожесточенности Г. А. Острогорский ищет в специфике византийской городской жизни, где централизация и система монополий ограничивали приложение частного капитала, вынуждая крупных собственников вкладывать свои средства преимущественно в сельское хозяйство ⁴⁷. К тому же сельская община на протяжении VII—X вв. проделала существенную эволюцию: сравнивая данные Податного устава со свидетельствами «Земледельческого закона», Г. А. Острогорский констатирует, что за протекшее время не только выросло имущественное неравенство в рамках византийской деревни, но и ослабели «органические связи» между членами общины. Одновременно с этим все более упрочивалась подчиненность общины государственной власти, которая превращала органическое единство деревни в «орудие своей фискальной администрации» ⁴⁸. X столетие оказывается не просто временем количественного роста крупной собственности, которая в эмбриональной форме существовала уже в VIII—IX вв. Общинное крестьянство не просто теряет свои наделы по мере того, как ослабевает органическое единство общинных отношений. Это было время формирования новой крестьянской зависимости.

Формирование крестьянской зависимости, по мнению Г. А. Острогорского, протекало двояко: прежние свободные крестьяне превращались в X в. частично в частновладельческих париков, частично же в государственных крепостных — так называемых димосиариев ⁴⁹. Первую тенденцию — разорение и связанное с ним закабаление крестьянства — Г. А. Острогорский расценивает как феодализацию византийского общества ⁵⁰. Одновременно с образованием слоя зависимого крестьянства формируется византийская аристократия, которую памятники X в. называют «динатами», могущественными, и которая отличается двумя особенностями: высоким должностным положением и богатством, по преимуществу земельным ⁵¹.

Специфической особенностью византийского развития являлась вторая тенденция — превращение свободных крестьян в государственных. По мысли Г. А. Острогорского, между частновладельческими париками и государственными крестьянами не было принципиальной разницы: димосиарии находились в такой же зависимости от государства, как частновладельческие парики от их феодальных господ ⁵². Г. А. Острогорский не отрицал, что в поздней Византии сохранялось известное число свободных воинов и независимых крестьян старого типа, — он, однако, подчеркивал, что эти прослойки были незначительными и ни в коей мере не определяли характера аграрных отношений того времени ⁵³.

В соответствии с теорией государственной парикии Г. А. Острогорский пересмотрел традиционные представления о законодательстве Македонской династии, в котором В. Г. Васильевский и его последователи видели реальные меры в защиту свободной крестьянской общины. Отнюдь не отвергая того, что византийское правительство X столетия вело борьбу против динатов, стремившихся подчинить своей власти крестьян и крестьянскую землю, он указывал, что логика исторического развития превратила эти защитительные меры в источник крестьянского закабаления государством. «Византийское правительство, — писал Г. А. Острогорский, — ни в коей мере не боролось за права и независимость маленьких людей, как стремятся заверить императорские новеллы. В действитель-

⁴⁷ *Ostrogorsky G. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen. . .*, S. 134.

⁴⁸ *Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte*, S. 57.

⁴⁹ *Ostrogorskij G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie. . .*, p. 18 sq.

⁵⁰ *Ostrogorsky G. Geschichte. . .*, S. 212.

⁵¹ *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy. . .*, p. 7.

⁵² *Острогорски Г. О византийском државном селяцима. . .*, с. 40. Мысль об отсутствии принципиальной грани между государственными и феодальными повинностями была сформулирована им еще ранее: *Острогорский Г. Византийские писцовые книги*, с. 238.

⁵³ *Ostrogorskij G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie. . .*, p. 22 sq.

ности, оно защищало свои собственные права, право на ренту и повинности крестьян»⁵⁴.

Широкое распространение государственной парикии в X в. Г. А. Острогорский увязывает с общей спецификой хозяйственной жизни Византийской империи — с наличием здесь развитого контроля императорского правительства за экономикой всей страны⁵⁵. Этот контроль находил свое выражение, в частности, в праве государства конфисковать патримониальные земли, принадлежавшие крупным собственникам⁵⁶.

Сильное византийское государство при Македонской династии успешно отстаивало свои права в борьбе с феодальными магнатами. Василий II (976—1025), развивая принципы, намеченные еще Романом Лакапином (920—944), осуществлял с успехом «антиаристократическую аграрную политику»: помимо государственных интересов, требовавших сохранения крестьянского и стратиотского землевладения, им руководила, полагает Г. А. Острогорский, личная ненависть к магнатским родам, которые оспаривали в течение длительного времени трон Василия II⁵⁷. Василию удалось сломить сопротивление династов. Именно аграрная политика василевсов Македонской династии обеспечила внешнеполитические успехи империи на рубеже X и XI в. и способствовала подъему международного авторитета Византии.

Положение коренным образом изменяется в середине XI столетия. На это время приходится бурный рост как светского, так и церковно-монастырского землевладения, приобретающего привилегированный характер. «Иными словами, — так формулирует Г. А. Острогорский свой вывод, — феодализация империи достигает решительной стадии. Это наиболее значительное явление социальной истории империи XI в. Его следствием было крушение социальной и экономической структуры, на которой зиждилась мощь империи в предшествующие столетия»⁵⁸.

В XI столетии разворачивается острая борьба между двумя группировками византийской знати: служилым чиновничеством и военной знатью провинций. Слабые преемники Василия II оказываются не в состоянии возглавить борьбу против феодальной аристократии, и императоры сами превращаются в выразителей интересов этой все более крепнущей группы знати⁵⁹. Несмотря на то, что в середине XI в. служилая знать еще удерживает власть в своих руках, государственная власть слабеет: всемогущество бюрократического аппарата ограничивается, государственные доходы сокращаются, армия приходит в упадок, фемная система исчезает⁶⁰. Правда, и в это время византийское государство не вовсе отказывается от контроля за феодальными собственниками: капитулировав перед ними в основном вопросе, уступив им землю и разрешив приобретать крестьянские и стратиотские надель, оно тем не менее удерживает право наблюдать за числом париков во владениях светских и духовных магнатов. Императорские дипломы пользуются техническим термином «арифмос», обозначающим максимальное число париков, допускаемое для поместья того или иного феодала. Феодалы, правда, не удовлетворялись таким положением дел и стремились получить от императора неограниченное право расселять на своих владениях париков — «сколько пошлет бог», как формулируют документы. Феодалы византийской Италии пользовались подобной привилегией еще в XI в., но в собственно византийских землях она утвердилась только к XIII в.⁶¹

⁵⁴ Ibid., p. 16. В более ранних работах Г. А. Острогорский сам разделял традиционную точку зрения. См., например, *Ostrogorsky G. Agrarian Conditions...* (1942), p. 205.

⁵⁵ *Ostrogorsky G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie...*, p. 37.

⁵⁶ Ibid., p. 23.

⁵⁷ *Ostrogorsky G. Geschichte...*, S. 253.

⁵⁸ *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy...*, p. 8.

⁵⁹ *Ostrogorsky G. Geschichte...*, S. 265.

⁶⁰ Ibid., S. 273 f.

⁶¹ *Ostrogorsky G. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie...*, p. 26 sq., 31, 34 sq.

Поскольку создание привилегированного магнатского землевладения было, по Г. А. Острогорскому, наиболее значительным явлением социальной истории XI в., он, естественно, уделил самое пристальное внимание тем феодальным институтам, которые оформляли привилегированность.

Важнейшими феодальными институтами Г. А. Острогорский считает харистикий, экскуссию-иммунитет и пронию. Двум последним учреждениям он посвятил специальные исследования.

Византийский иммунитет, по мнению Г. А. Острогорского, охватывал как податные льготы, так и судебно-административные права, которые передавались крупным землевладельцам. Если сущность податного иммунитета состояла в праве сеньора на все подати и повинности своих крестьян, то сущность судебного иммунитета заключалась в праве судить крестьян, живших на принадлежавшей ему территории⁶². С какого времени складывается византийский иммунитет, сказать затруднительно: во всяком случае, судебные права иммунистов отчетливо засвидетельствованы в документах XI в., а возможно, пожалования такого рода практиковались еще в IX столетии, если не раньше⁶³. Полемизируя с К. Н. Успенским, Г. А. Острогорский решительно настаивает на том, что объем иммунитетных прав в XI в. не только не сокращался, но и напротив, становился все более широким. И в XII в. крупные собственники продолжали увеличивать свои владения и получать новые привилегии⁶⁴.

Что касается пронии, то она, полагает Г. А. Острогорский, возникает в XI столетии, после поражения аграрной политики императоров Македонской династии, направленной в защиту мелкого крестьянского и стратотского землевладения. Первое упоминание пронии приходится на время правления Константина IX (1042—1055), который передал Константину Лихуду пронию Манганов⁶⁵. Поскольку в XI в. господствовала служилая аристократия, а не военная знать, прония еще не приобрела характер военного держания, но представляла собой вообще «средство для наделения доходами представителей господствующего класса»⁶⁶.

Как известно, политический развал Византийской империи был приостановлен после прихода к власти династии Комнинов, однако их успех оказался преходящим: Византийская империя в XII в. была лишена внутренней стабильности, а политика Комнинов не имела далеких перспектив⁶⁷. Коренное отличие в позиции Комнинов от позиции императоров Македонской династии, в том числе Василия II, состояло в том, что Роман Лакапин, Василий II и другие македонские василевсы защищали общегосударственные интересы, тогда как Комнины были представителями одной общественной группировки — военной аристократии⁶⁸. В силу этого Комнины содействовали насаждению и развитию феодальных порядков⁶⁹; в частности, именно при Комнинах прония превращается в особую форму феодальной земельной собственности, связанной с несением военной службы⁷⁰. Как мы видели, на XII столетие приходится, согласно концепции Г. А. Острогорского, и упрочение иммунитетных отношений.

Развитие феодализма при Комнинах имело в конечном счете негативные последствия — оно вызвало полный экономический и военный развал страны⁷¹. Андроник I (1183—1185) предпринял попытку возродить госу-

⁶² *Острогорский Г. А. К истории иммунитета...*, с. 95 и сл.

⁶³ Там же, с. 99.

⁶⁴ Там же, с. 60—73.

⁶⁵ *Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité...*, p. 20 sq.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 24—27.

⁶⁷ *Ostrogorsky G. Geschichte...*, S. 294.

⁶⁸ *Ibid.*, S. 288; Cp. *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy...*, p. 9.

⁶⁹ *Ostrogorsky G. Geschichte...*, S. 307, 324.

⁷⁰ *Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité...*, p. 27.

⁷¹ *Ostrogorsky G. Geschichte...*, S. 323.

дарство, но «радикальная реакция» (так характеризует Г. А. Острогорский программу Андроника) оказалась безуспешной ⁷². Пришедшая на смену Андронику I династия Ангелов осуществляла политику в интересах крупных земельных собственников и, не считаясь с государственными интересами, фактически подготовила крушение Византийской империи в 1204 г. ⁷³

Созданная на развалинах рухнувшего государства Никейская империя просуществовала некоторое время как относительно устойчивое государство ⁷⁴. Феодальные отношения продолжали развиваться и в Никейской империи, однако в XIII в. прониар — в отличие от вотчинника — еще оставался лишь временным господином подчиненных ему париков ⁷⁵. Безудержный рост крупной земельной собственности начинается после отвоевания византийцами Константинополя в 1261 г. Он сопровождается расширением иммунитетных прав ⁷⁶ и привилегий прониаров ⁷⁷ — и именно эта все более распространяющаяся феодализация вызывает общее разорение страны ⁷⁸. Последние столетия существования Византии — лишь длительная агония, усугубляемая натиском турок и гражданскими войнами между различными феодальными кликами. Византия превращается в зависимое от турок государство ⁷⁹ и в 1453 г. перестает существовать, завоеванное войсками Мехмета II.

Такова в общих чертах концепция Г. А. Острогорского. Ее отличительные черты — признание неуклонного развития общественных отношений в Византии, важной роли славянства в византийской истории, воздействия феодальных отношений на всю общественную структуру государства. Концепция Г. А. Острогорского как бы подводила итог длительного развития византиноведения на Западе, учитывая вместе с тем и традиции русского дореволюционного византиноведения, и результаты работ советских византинистов. Г. А. Острогорский стремился понять сложность византийской действительности, противоречивые и борющиеся тенденции развития, противоречивую природу крестьянской зависимости.

Сложившаяся в полемике с его предшественниками, концепция Г. А. Острогорского сама стала объектом критических суждений. Это вполне естественно, ибо всякое широкое обобщение неминуемо оставляет необъясненными отдельные частные факты, которые вступают в противоречие с общими представлениями. Но ценность истинной концепции не в арифметической строгости, а именно в широком взгляде на объект исследования, в последовательности и цельности точки зрения. Работы Г. А. Острогорского — в полном смысле слова сегодняшний день византиноведения. Вряд ли можно сейчас найти в зарубежной историографии другую концепцию византийской истории, которая была бы столь же последовательной и пользовалась столь же большим признанием, как развитая покойным югославским ученым.

⁷² Ibid., S. 327—329.

⁷³ Ibid., S. 331.

⁷⁴ Ibid., S. 367, 373.

⁷⁵ *Ostrogorskiy G. Pour l'histoire de la féodalité. . .*, p. 68; cp. *idem. Observations on the Aristocracy. . .*, p. 17 f.

⁷⁶ *Острогорский Г. А. К истории иммунитета. . .*, с. 78, 95.

⁷⁷ *Ostrogorskiy G. Pour l'histoire de la féodalité. . .*, p. 180.

⁷⁸ *Ostrogorskiy G. Geschichte. . .*, S. 396.

⁷⁹ *Ostrogorskiy G. Byzance, état tributaire de l'Empire turc. — ЗРВИ, 5, 1958, p. 49—58.*